

Ядовитый малый, ну и злыдень.

Остальные сельчане тоже считали, что Гоудань перегибает палку. Но дело это было семейное, домашнее, так что соваться с поучениями никто не спешил. Да и пробовали уже как-то — Гоудань лишь ядовито хмыкнул в ответ:

— Твой собственный сынок тебе в прошлом месяце пощёчину не отвесил, а? — ядовито хмыкнул тогда Гоудань. — Сам вырастил оболтуса, а ещё лезешь меня учить.

Больше всего Гоудань презирал родню из других ветвей семейства. Стоило в их доме появиться какой-нибудь знатной вещице, как дядя тут же подговаривали бабушку пойти и вытребовать её. Не получали своего — поднимали крик на всю деревню. И ведь не раз, и не два такое бывало. Разве любящие сыновья так поступают? Их у неё целая орава — неужто одну мать прокормить не могут? Сами вот-вот дедами станут, а совести ни на грош. Гоудань порой всерьёз задумывался: какой же грех совершила старуха в прошлой жизни, что родила на свет таких хитрых стервятников, способных лишь собственную мать обирать?

Раньше, пока Гоудань учился в школе, он мало что замечал. Лишь вернувшись в деревню, он узнал от приятелей, куда уходили все его подарки. Оказалось, еда, которую он покупал отцу, бесследно исчезала в утробах двоюродных братьев, а новые одёжки красовались на плечах старшего дяди. Ли Сы тогда долго клялся и божился, что больше ни пылинки им не отдаст, и только после этого сын сменил гнев на милость.

Сама Старая госпожа Ли прекрасно понимала, что творится в головах её сыновей и невесток. Но, во-первых, она привыкла помыкать всеми, а во-вторых, жила в доме старшего сына, так что подобные хитрости шли ей только на пользу. Раз уж у её тихого Ли Сы вырос такой хваткий, денежный сынок, почему бы не урвать у него кусок пожирнее? Всё в дом, всё для её любимых внуков, Цзиньбао и Иньбао, — пусть побольше богатства скопят. Именно из-за этой жадности Гоудань и не мог относиться к ней как к родной бабушке. Между ними не было и капли того тепла, что обычно связывает внуков и стариков.

Резкие слова парня заставили всех разинуть рты. Никто не ожидал от него такой непреклонности — он не оставил бабушке ни капли уважения. Глядя на его холодную решимость, многие невольно попятились.

Те же, кто ладил с Гоуданем, поспешили вступить за него:

— Да нормальный он парень, всегда вежливый. Кабы Старая госпожа Ли палку не перегибала, он бы слова дурного не сказал.

Правда, в душе соседи всё равно сомневались. Но стоило Гоуданю через пару дней с широкой улыбкой позвать всех на водохранилище ловить рыбу, как за ним тут же увязалась целая толпа — и ровесники, и мужики постарше.

Недавний злой, безжалостный Гоудань показался всем лишь дурным сном, хотя спорить с ним от греха подальше больше никто не решался. К тому же теперь он без пяти минут студент университета — такое звание в деревне вызывало неподдельное уважение. На самом же деле парень никогда никому не желал зла. Не задеваешь его — и он милейший человек, весёлый да щедрый, особенно теперь, когда карманы не пустовали.

Поздним вечером, когда Гоудань и Ван Сюань разошлись по своим комнатам, Ли Сы тихонько накинул куртку и выскользнул из дома, направившись к старому семейному гнезду — проведать мать. Гоудань услышал скрип двери, но останавливать отца не стал. Как ни крути, старуха была тому родной матерью. Сам Гоудань мог сколько угодно воротить нос от её капризов, да и отец днём послушно кивал сыну, но сердце-то у Ли Сы всё равно болело. Обычная сыновняя доля.

Вернувшись в спальню, Гоудань вздохнул и негромко сказал Ван Сюаню:

— А-Сюань, не давай больше отцу столько наличных. Если ему что нужно — сами купим.

У бабки было четверо сыновей и три дочери. Дочерей, что вышли замуж и уехали, считать нечего, но сыновья-то все живы-здоровы, включая Ли Сы. Так отчего же при любой хвори старая карга трясёт мощну именно из их ветви?

Будь она разумной, почтенной старушкой, Гоудань бы сам кошелек перед ней раскрыл. Но бабка была упряма, глупа и бездонно жадна, так что эту лавочку следовало прикрыть раз и навсегда. Впрочем, мешать отцу заботиться о матери он не собирался.

Почти все деньги Ли Сы получал от них. В старом доме быстро смекнули, что у него завелась копейка. Стоило Гоуданю с Ван Сюанем уехать из деревни, как старуха принималась «болеть» чуть ли не каждые три дня. Присылала за Ли Сы, требовала её долю на лекарства. Отец, конечно, догадывался об обмане, но всякий раз малодушно думал: «А вдруг и правда занемогла?» Братья его платить наотрез отказывались, вот он и выкладывал то три юаня, то пять, а то и все семь. На себя тратить жалел, а матери отдавал последнее.

На капризы вздорной Старой госпожи Гоудань мог закрыть глаза, но наглость дядьёв превосходила все границы. Стоило Ли Сы безропотно отдать «лекарственные» гроши, как те сразу же бежали в лавку за свежей свининой. Когда Гоуданя не было в деревне, сердобольные соседи всё примечали, а по его возвращении наперебой спешили донести новости. И всё же, решив пощадить отцовские чувства, парень не стал устраивать бурю, а лишь тихонько поговорил с Ли Сы с глазу на глаз.

— Совсем без денег его тоже оставлять нельзя, — рассудительно заметил Ван Сюань. — Если у дяди Ли карманы опустеют, он ведь начнёт на еде экономить да во всём себе отказывать.

И это было чистой правдой. У сына просить Ли Сы постесняется, а вместо этого пойдёт спину гнуть на тяжёлых подработках, лишь бы раздобыть пару юаней для родни.

— В следующий раз привезём дяде хороший электрический фонарь, — добавил А-Сюань.

Электричества в Сикани до сих пор не было. Ли Сы пробирался впотьмах, полагаясь лишь на слабый свет далёких звёзд да на тусклые лучи, пробивавшиеся сквозь щели соседских окон. В последнее время деревня заметно разрослась. Раньше вокруг их усадьбы простирался пустырь, теперь же по соседству выросло несколько новых крестьянских изб.

После недавнего ливня небо очистилось, и высыпавшие звёзды немного разгоняли мрак. Но сельские тропы после непогоды превратились в сплошное месиво из грязи и скользких ухабов. Шагать вслепую в такие годы — чистое безумие, неровен час оступишься и переломаешь кости.

— Слушай, — протянул Гоудань, закидывая руки за голову. — Вот почему бабка к моему отцу относится как к чужому? Неужто из-за того, что детей нарожала кучу, и на всех любви не хватило?

— Вполне возможно, — отозвался Ван Сюань. — В больших семьях всегда так: кого-то балуют, а на ком-то воду возят. Твоя бабка, может, и любит дядю Ли по-своему, но на старшего да младшего сыновей она потратила куда больше сил. Вот чувства и притупились.

Родная кровь родной кровью, а материнское сердце редко делит любовь поровну.

— Хорошо, что я у отца один, — хмыкнул Гоудань. — Будь у меня братья-сёстры, я бы с ума сошёл от этих дразг.

— И я тоже, — улыбнулся А-Сюань.

Оба негромко рассмеялись.

Разговор незаметно перетёк в шутки. Вскоре во дворе послышались тихие шаги — вернулся Ли Сы. До комнат донёсся плеск воды: отец отмывал ноги от налипшей дорожной грязи — видать, всё-таки угодил в какую-то яму. Заметив, что в комнате парней всё ещё теплится огонёк, Ли Сы помедлил у двери, нерешительно постучал и попросил их ложиться спать. О том, где пропадал, он так и не обмолвился.

Гоудань отозвался, задул фитиль керосинки, и комнату поглотил сумрак.

В темноте Ван Сюань тихонько улыбнулся.

«И всё-таки мой Гоудань-гэ — замечательный сын. Сколько бы ни ворчал и ни сыпал колкостями, а ведь не сомкнул глаз, пока отец целым и невредимым не вернулся домой. Всё-таки он ужасно милый, когда так заботится о близких».

Первым радостную весть получил Цичжи — ему пришло извещение о зачислении в Провинциальный педагогический институт. Его проходной балл висел на волоске: парень обошёл нижнюю планку всего на пять очков. Рискни он подать документы в другое учебное заведение с таким же порогом, пиши пропало. В престижные вузы всегда выстраивалась очередь из желающих, ведь каждый абитуриент надеялся на чудо и вписывал в бланк по несколько вариантов. Приёмные комиссии просто отсеивали кандидатов сверху вниз, пока не заканчивались свободные места.

Цичжи трезво оценивал собственные силы. Пусть Гоудань и Ван Сюань время от времени натаскивали его по сложным темам, умственные способности и скорость усвоения знаний у всех разные. Он это прекрасно понимал. И как бы ему ни хотелось поехать вместе с друзьями в столицу, парень не стал искушать судьбу и не вписал ни одного пекинского вуза. Расспросив товарищей, он принял взвешенное решение и выбрал педагогический профиль в родной провинции.

Судьба оказалась к нему благосклонна. Педагогические специальности в те годы пользовались почётом — каждый советский ребёнок когда-то писал в школьных сочинениях, что мечтает «вырасти и стать народным учителем». Родители тоже одобряли такой выбор: профессия солидная, уважаемая, пускай и платили педагогам немного, да и с выдачей жалованья порой задерживали.

К счастью, набор на учителей сейчас шёл широкий, так что Цичжи протиснулся сквозь игольное ушко отбора. Невероятное везение! Всё-таки умение правильно соразмерить свои желания и возможности — великая вещь. Позже он узнал, что ребята из соседних деревень, набравшие на пару баллов больше, остались у разбитого корыта только потому, что замахнулись на слишком престижные институты. Обидно до слёз! Проходить через кошмар государственных экзаменов ещё раз Цичжи не согласился бы ни за какие коврижки — он после окончания этой пытки спал двое суток без просыпу.

Когда в дом пришёл заветный конверт с печатью, вся семья Цичжи едва не сошла с ума от радости. В их роду отродясь никто в институтах не учился! Родители, подтянув пояса, решили закатить пир на всю округу. Гоудань с Ван Сюанем, разумеется, пришли помочь с подготовкой. Местные кумушки, завидев их у котлов, тут же принялись расспрашивать:

— А вы-то когда гулять будете? Что, до сих пор письма не дождались? Глядите, как бы ошибки не вышло! Чай, в столицу метили, а тамошние профессора простых деревенских не жалуют. Столица всё-таки, поди пробиться туда!

Кое-кто судачил иначе:

— Вы же у нас отличники! Коли поступите, не вздумайте поскупиться на праздник. Тут скромным обедом не отделаешься — три дня и три ночи столы должны ломиться!

Парни не обижались — понимали, что большинство болтает без злого умысла, а просто ради красного словца, поэтому лишь отшучивались в ответ. Тех же, кто пытался уколоть побольнее да брызгал завистливой слюной, они попросту игнорировали.

Все в Сикани знали: если Гоудань разойдётся, то пощады не жди ни близкому, ни далёкому. Люди поумнее держали язык за зубами и за рамки приличий не заступали. В деревнях любят мериться количеством сыновей, но глупо надеяться, что орава твоих бездельников сможет зажать в углу единственного наследника Ли Сы. Гоудань рос один в малочисленной, небогатой семье, но один стоил десятерых. Какой толк от кучи сыновей, если все они — никчёмные лоботрясы? Против толкового и грозного парня с ними всё равно не попрёшь.

Когда же обоим наконец вручили официальные извещения, злые языки мигом прикусили. Теперь к их дому тянулась вереница соседей: мамыши несли на руках карапузов, чтобы те «причастились к удаче» — прикоснулись к заветным бумагам. Верили, что так ребёнок вырастет не иначе как великим учёным. Письма пришли с разницей в день. Хитрый Ван Сюань сразу припрятал сами бланки подальше от греха, а гостям выдавал на растерзание плотные конверты с гербовыми печатями столичных университетов — и престижно, и ценный документ пальцами не заляпают.

Хоть поступили они в один вуз, факультеты выбрали разные.

— Получается, мы даже в одной группе учиться не будем? — заворчал Гоудань, разглядывая бумаги. — И за одной партой не посидим?

— И в общежитии нас расселят по разным комнатам, — кивнул Ван Сюань.

В высших учебных заведениях порядки строгие, не как в уездной средней школе, где можно было договориться с комендантом и поменяться койками по первому желанию.

Гоудань комично схватился за голову и взвыл:

— Да как же так! Кто мне теперь одежду складывать будет? Кто разбудит спозаранку на лекции?

Ван Сюань так и покатился со смеху:

— Вот и славно! Пора тебе приучаться к самостоятельной жизни, белоручка.

Подурачившись, они вернулись к насущным делам. С получением писем с души наконец свалился огромный камень.

Взяв с собой Ли Сы, парни поехали в уездную среднюю школу, чтобы выразить признательность учителям и руководству. Каждому преподавателю они подготовили щедрые

подарки в знак благодарности за наставничество. Гоудань и Ван Сюань умели держать себя вежливо и учтиво, так что никто из педагогов не почувствовал неловкости, принимая подношения. Вся дорога к школе так и пестрела алыми транспарантами: «Поздравляем товарища такого-то с выдающимися успехами на государственных экзаменах!» Из десяти висевших на улице растяжек на семи красовались имена наших героев, а остальные три были посвящены ребятам, сумевшим пробиться в первоклассные провинциальные вузы.

Красные полотна с именами Гоуданя и Ван Сюаня выгодно отличались от остальных — буквы на них вывели огромные, а сами транспаранты походили на парадные стяги. Дирекция школы всеми силами пыталась показать уезду: здешнее образование — лучшее в округе, а педагогический состав способен творить чудеса, раз уж у них под крылом выросли второй и третий ученики во всей провинции!

Это был лучший щелчок по носу тем заносчивым родителям, которые из штанов выпрыгивали, лишь бы перевести своих чад в элитные школы провинциальной столицы. Мол, поглядите сами: городские пижоны и близко не подошлись к результатам наших деревенских ребят, так зачем вам тратить кровные юани на переезды и взятки?

<http://bllate.org/book/19654/1996787>